

Tatiana Nowikowa

К вопросу об этимологии номинаций образа вампира и его семантике

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 227-234

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Tatiana Nowikowa

Bałtycki Uniwersytet Federalny im. Immanuela Kanta
Kaliningrad, Rosja

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ НОМИНАЦИЙ ОБРАЗА ВАМПИРА И ЕГО СЕМАНТИКЕ

Ключевые слова: *вампирология, этимология, семантика слова, образ вампира, мифология*

Готика и неоготика, так называемая *ghost-* и *horror*-литература (произведения о привидениях и ужасах) представляют особенный пласт бытования и развития художественной литературы, привлекая все большее внимание современных читателей и исследователей. Однако несмотря на явно возросший и актуализировавшийся интерес, она остается изученной фрагментарно, неравномерно. Литературоведческая рефлексия в большей мере затронула готику и неоготику, родственная ей литература, посвященная ужасам и привидениям, исследована меньше и практически совсем не исследованной остается вампирология. Это находит отражение в широком спектре номинаций – сложившемся длинном ряде лексем, связанных с имеющим древнее происхождение образом вампира и его растущей популярностью. В статье предпринимается попытка обобщить связанные с этим образом лексемы и рассмотреть их этимологию.

Образ вампира – один из самых архаичных образов фэнтези. Он встречается в бесчисленных легендах, мифах, верованиях разных народов мира. За долгое время его бытования подвергался изменениям не только сам образ, но и его семантика, отразившаяся в многообразии его номинаций. Наиболее принятое сегодня и широко распространенное наименование образа вампира появилось сравнительно поздно. Ученые разных стран до сих пор спорят о его происхождении. Так, в *Энциклопедическом словаре* Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона констатируется: «вампир – слово неизвестного, хотя довольно позднего происхождения, встречающееся в немецком, романских и большинстве славянских языков; но его нет ни в церковно-славянском, ни в средневековой латыни, ни даже в древне- и средненемецком языке. На Запад Европы оно перешло из Германии, куда, в свою очередь, перенято было от славян. По всей вероятности, слово это восточного происхождения и притом заимствовано в то время, когда еще были носовые гласные, так как оно двояко произносится в славянских наречиях: вампир и упырь (вторая форма древнее). В большинстве случаев эти два слова имеют одно значение: именно они обозначают вставшего из могилы мертвеца, который

высасывает кровь у спящих людей»¹. В *Толковом словаре живого великорусского языка* Владимира Даля лексема вампир сходным образом синонимически идентифицирована с кровососом и упырем. «Последнее название, – поясняет выдающийся знаток русского слова, – в Малороссии (и в южн. славянск. земл.) придается сказочному оборотню, который по смерти летает кровососом, загрызая людей; ведьмак»². В словаре В. Даля заявляет о себе тенденция к удлинению синонимического ряда номинации этого художественного образа (оборотень, ведьмак), которая получит развитие и в процессе его дальнейшего осмысления.

При совпадении главных моментов в семантике образа и его номинации, «разброс» научных версий и «география» его происхождения оказываются достаточно широкими. В *Этимологическом словаре русского языка* М. Фасмер пишет, что «немецкое слово vampir происходит из полабского или древнепольского. Ни то, ни другое документально не засвидетельствованы. Учитывая ареал языковых контактов: английское vampire – французское vampire – немецкое vampir – венгерское vampir, слово вампир можно возвести к упомянутому южнославянскому wprigъ (откуда происходит болгарское слово въпир, а сербохорватское слово вампир – обратное заимствование, возможно, из венгерского)»³.

На основании этих и сходных данных, которые подтверждаются большинством дальнейших словарных изданий можно констатировать, что наиболее часто употребимые лексемы вампир и упырь, как правило, представляются в качестве синонимичных, их происхождение чаще всего связывается с восточно-, южнославянским ареалом.

Интересную точку зрения и отличную от выше приведенных высказывает лексикограф А.Г. Преображенский, о том, что «слово упырь заимствованно из тюркского языка – убёр, убыр, убырлы»⁴ и трактует слово «вампир» как обозначение мертвеца, который по ночам выходит из могилы и сосет кровь живых людей. Исследователь выделяет синонимы: вампир, вепырь, вопырь, упирь, опырь, впырь, упырь, упыряка, вапир, вепирин, вепирка, вампирясам, волкодлак. Исследователь отчасти воспроизводит мнение Миклошича, что в сербском и русском слово упырь, вампир слилось в одно понятие с волкодлак, вукодлак, и указывает, что это слово употребляется в европейских языках: французское vampire, немецкое vampir или vampir. Русское слово «вампир» является новым заимствованием из западно-европейских языков – французского или немецкого.

Особой популярностью на Востоке пользовался образ распутного демона, ищущего сексуальных связей с женщинами – инкуб (инкубус, от латинского слова incubare, «возлежать сверху»). Его также называют: alb (немецкий), duende (испанский), folleto (итальянский).

Соответствующий ему образ демона, появляющегося перед мужчинами, называется суккуб (суккуб, от латинского succubare – «лежать под»). Образы суккубов и инкубов иногда отождествляют с образом вампира, так как в них видят

¹ Ф. Брокгауз, И. Ефрон, *Энциклопедический словарь: в 86 томах*, т. 10, Москва 2001, с. 525.

² В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1-4, Москва 1978, с. 163.

³ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка: в 4 томах*, т. 1, Москва 1973, с. 432.

⁴ А. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, т. 3, Москва 1949, с. 35-64.

слуг дьявола или даже самого сатану, принявшего женский облик. Поэтому можно обнаружить множество историй, в которых «суккуб/инкуб» предстает в образе безобразной ведьмы или демона, медленно выпивающего жизненные силы своих жертв. Разнообразие номинаций отражает нюансировку представлений, связанных с подвижным, развивающимся (в связи с течением времени и особенностями изменяющихся и разнящихся национальных представлений) образом вампира.

Однако, если суммировать сказанное, то ни образование слова «вампир», ни пути его распространения в западноевропейских языках здесь не объясняются. Сама этимология слова «упырь» и связь с ним слова «вампир» остаются не вполне ясными.

Все эти обстоятельства побудили профессора А. Вайяна посвятить лексемам «упырь» и «вампир» специальную статью. Согласно мнению исследователя, слово «вампир» является видоизменением славянского слова «упырь», возникшим в Сербии к XVI-XVII вв. (ср. в болгарском языке – въпир, вепир). Из сербского языка форма «вампир» перешла в болгарский, греческий, а затем в XVII-XVIII вв. в европейские языки. По мнению А. Вайяна⁵, «upiri – коренное славянское слово, включающее в себя корень *rig/rug*, тот же, что и в словах парить и перо. Первоначально слово «упырь» обозначало мертвеца, который убегает, исчезает из своей могилы, призрака, привидение. Образ оборотня, сосущего человеческую кровь соединился с образом вампира под влиянием романтизма. В народных славянских поверьях значение слова «упырь» шире и означает «блуждающий, издевающийся, шутящий над людьми и вредящий им мертвец, призрак» (питье человеческой крови было лишь одним из многих занятий упыря). В связи с неопределенной этимологией, слово «вампир» приобретает дополнительные значения и может выражаться различными наименованиями (упырь, вурдалак – и производные от него – нетопырь, волкодлак и др.). В книге Эмили Жерар *Страна за лесом* встречается еще одно определение слова «вампир» – носферату. Исследовательница отмечает, что «наиболее явным злом является носферату, или упырь, в которого верит каждый румынский крестьянин так же твердо, как в рай или ад. Существуют два вида вампиров – живые и мертвые. Живые вампиры – это в основном незаконнорожденные дети лиц, не состоящих в браке, но даже безупречная родословная не дает гарантии никому от вторжения вампира под семейный свод, так как каждый, кого убил носферату, становится подобным вампиру после смерти и будет продолжать пить кровь других невинных людей до тех пор, пока дух не будет изгнан путем открытия могилы подозреваемого человека и протыкания тела колом или не будет застрелен из пистолета прямо в гробу»⁶.

Интересен тот факт, что слово «носферату» произошло от греческого «*posorphotos*» со значением «несущий чуму», «переносящий болезнь», а не «вампир», «бессмертный» или что-либо подобное. Оно широко и ошибочно трактовалось как румынское слово, обозначающее «неуспокоившегося» или «дьявола». Из религиозного контекста это слово перешло в сферы широкого использования. Семантическая связь лексемы «носферату» с распространенным в древности пу-

⁵ А. Вайан, *Руководство по старославянскому языку*, Москва 2009, с. 123.

⁶ E. Gerard, *The Land beyond the forest: facts, figures, and fancies from Transylvania*, New York 2010, p. 163.

гающим заболеванием могла оказать влияние на поверие, существующее в странах восточной Европы, что вампиры являются переносчиками различных заболеваний. Несмотря на многочисленные споры, ученые все же сходятся во мнении, что слово «упирь», так называемый славянский вампир, древнее по происхождению, чем слово «вампир», и имеет свою богатую историю. Самое тщательное изучение «славянского вампира» провел Ян Л. Перковски⁷ и выявил наиболее распространенные варианты этого слова с общей формой – обыри/обири. Каждая языковая группа имела родственную форму: от более старого коренного слова «упирина» (сербо-хорватский), «упирби» (украинский), «упирь» (белорусский, русский, чешский, словацкий), «упиор» (польский), «вупьи» (кашубский), «лам-пир» (боснийский) и «вампир» (болгарский, а также вибир, вебирь или вабир). Существует множество мнений о происхождении коренного слова «опири». Из-за утраченной ранней истории славянских племен эта проблема осталась нерешенной.

Второй популярное наименование образа вампира, особенно среди греков и южных славян, – это вриколакос (который, как и слово «вампир», обладает рядом форм в различных славянских языках). Это понятие произошло от старого сербского сложного слова «вилки» плюс «длака», обозначающего «того, кто ходит в волчьих шкурах». Перковски доказывает, что это понятие обозначало того, кто надевал волчью шкуру во время исполнения ритуала. К XIII веку, когда это слово впервые появилось в письменном тексте, раннее значение было опущено, и слово «вликодласи» относилось к мифологическому монстру, который гонял облака и ел солнце и луну, тем самым вызывая затмения. Еще позже, к XVI веку, слово «вликодласи» стало относиться к образу вампира и в таком виде перешло в греческую и румынскую культуры. Более старый южнославянский номинант появляется теперь как вриколакос (греческий), вирколак (румынский), виколак (македонский и болгарский) и вуколак (сербо-хорватский, иногда укорачивается до кудлак). Своим появлением в русском языке данное слово обязано А.С. Пушкину. В поэме *Песни западных славян* он использовал искаженную форму слова «волколак», обозначавшего «человека, превращающегося в волка». В художественной литературе данное слово используется со второго десятилетия XIX века. И.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская уточняют этимологию слова «вурдалак»: «Являясь переоформлением общеславянских слов «*vŭlkodlakъ*» (волкодлак, сравним также старо-славянское слово «*vŭlkodlakъ*», белорусское волколак, чешское *vlkodlak* и т.д.) и «*dlaka*» – «шерсть», слово «вурдалак», таким образом, буквально значит «вывернутая шерстью вверх волчья шуба»⁸.

Особую группу существительных составляют сложные мифологические слова со вторым корнем «лак»: волкодлак, врыкодлак и вурдалак. Слово «волкодлак» означает «человека-оборотня, превращающегося в волка; во время подобного превращения возможно лунное затмение»⁹. Понятие «врыкодлак» известно в Болгарии как «невидимый зловередный дух с одним глазом во лбу, живущий на водяных

⁷ Я. Перковски, *Славянские вампиры*, Москва 1989, с. 33.

⁸ Н. Шанский, В. Иванов, Т. Шанская, *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва 1971, с. 148.

⁹ Там же.

мельницах и превращающийся ночью в животных, которые пьют человеческую кровь»¹⁰. Слово «вурдалак», как уже отмечалось выше, означает «покойника, встающего от лунного света из гроба и бродящего по ночным домам, чтобы пить кровь младенцев»¹¹. Всех этих мифологических персонажей объединяет то, что они пьют человеческую кровь, связаны с образами воды или луны и являются не реальными лицами, а его двойниками – образом волка или покойника. С точки зрения морфологии слова, все перечисленные названия имеют корень «лак», который содержится в глаголе лакать, что означает «пить» применительно к животным. Следовательно, все это образы животных, которые что-то пьют. Из семантики образов нетрудно догадаться, что именно они пьют – человеческую кровь. Поэтому все перечисленные персонажи – кровопийцы. Интересно отметить, что и слово «волк» можно представить как «во-льк», то есть как «во-пийца, тот, кто впивается в добычу». Вторую часть слова «волко-длак», а именно корень «длак» можно понять как «от-лак», то есть «отпивающий кровь». Тем самым слово «волкодлак» становится «впивающимся кропийцей». Что касается слов «врыколак» и «вурдалак», то в них осталось определить значение первой части. В слове «врыколак» имеется корень «рык» и приставка «в»; это можно понять как «во-рычащий» или «ворчащий кровопийца». Первую часть слова «вурдалак» «вур» можно принять за несколько искаженное слово «вор» в значении «негодяй, безобразник»; тогда как вторая часть «далак» – озвончение слова «отлак», то есть «отпивающий». Следовательно, слово «вурдалак» приобретает значение «ворующий» или «безобразничающий кровопийца». Это согласуется со вторым его именем «упырь», что означает «тот, кто упирает, то есть похищает, ворует»¹². Таким образом, слова «волк, волкодлак, врыколак и вурдалак» – это славянские имена вампиров разного рода, кровопийц, убивающих людей путем высасывания их крови. А из-за коренного значения этого слова «вукодлак» стал частью дискуссии об отношении образов оборотней к вампирам.

Не менее интересными определениями слова «вампир» в литературе считаются слова «стригой, ламии, эмпузы». Стригой (женщина – стригаика) – популярное румынское слово для обозначения ведьмы. Гарри Сенн автор книги *Оборотень и вампиры в Румынии*¹³ обнаружил такой вариант как «стригой морт» («мертвая ведьма»), в качестве общего понятия для слова «вампир». Слово «стригой» произошло от латинского «стрикс» («кричащая сова»), которое также относилось к обозначению ночного демона, нападающего на детей.

Образы ламий были известны как демонические существа в виде отвратительных женщин с деформированными змееподобными нижними частями тела. Однако они обладали способностью превращаться в прекрасных молодых девушек, чтобы нападать и соблазнять молодых мужчин и высасывать кровь у детей. В XV веке образ ламии появился в литературе, когда Анжело Полициано из Флоренции опубликовал поэму *Ламия*¹⁴. В 1819 году британский поэт Джон Китс¹⁵

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² В. Чудинов, *Славянская мифология и русский корнеслов*, Москва 2001, с. 23.

¹³ Г. Сенн, *Оборотень и вампиры в Румынии*, Москва 1982, с. 134.

¹⁴ А. Poliziano, *Lamia*, Leiden 2010, с. 167.

¹⁵ Д. Китс, *Малые поэмы*, Москва 2012, с. 46.

написал поэму под тем же названием. Со времени Китса образы ламий появлялись в многочисленных поэмах, в живописи, скульптуре и музыкальных произведениях.

Образ эмпузы – демоническое создание с отвратительными бронзовыми ногами, способное принимать вид прекрасной девы, чтобы соблазнять простых смертных и высасывать из них жизненные силы во время сна. Этим образ эмпузы превосходил суккуб христианской эпохи, демониц, которые обольщали юношей во время сна. В еврейских преданиях древнейшей предшественницей ламий и стригий является Лилит, первая жена Адама. Отвергнутая первым человеком, Лилит стала повелительницей демонов и злых духов. Подобно образам ламий и стригий, она пьет кровь младенцев, наводит на них порчу и лишает юношей их жизненных сил и мужественности во время сна. В иврите слово «лилит» означает «ночная» или «ночная тишь», кроме того, им обозначается птица неясить, разновидность сов. Вероятно, поэтому Лилит изображается иногда с совой. Существует также мнение, что это имя происходит от шумерского слова «лиль» и значит «воздух, ветер, дух, призрак». В имени Лилит скрыты значения – «темная мать, черная женственность, черная богиня, губительница зародышей света»¹⁶.

Образы ламий, стригий, эмпуз пришли из греко-латинской мифологии и хотя известны тем, что пили кровь, все же не были вампирами в том смысле, какой вкладывается в это понятие в наше время. Это были скорее призрачные существа, а не «ожившие трупы». И, тем не менее, способность к перевоплощению у современного образа вампира заимствована из этих образов. Например, среди нескольких записей в работе Уолтера Мэпа *De Nagis Curialium*¹⁷ (1190 г.) находим упоминание о демоне в образе женщины, которая пила кровь детей и после ее разоблачения улетела с громким криком. В Шотландии можно найти несколько других традиционных вампирических фигур. Образ баоббан сит, например, обычно появлялся как ворон или ворона, но чаще в образе молодой девушки, одетой в зеленые одежды, скрывавшие ее оленьи копыта. Образ красного колпака или «рэдкеп» – злобный дух, который селился в заброшенных замках и других местах, где было совершено насилие. Если кто-то засыпал в том месте, где обитал красный колпак, то тот пытался намочить свой колпак в человеческой крови. Он не был настолько зловещим, как другие, и его можно было отогнать при помощи слова Библии или креста.

В английский язык понятие «вампир» вошло в 1741 году. Подтверждение этому находим в примечании к книге *Наблюдения о революции 1688 года*¹⁸, опубликованной в 1748 году. Интересно, что в этой книге понятие «вампир» не относилось к кровососущему существу, а использовалось метафорически, в политическом смысле, безо всяких объяснений, как будто это слово было прекрасно известно. Автор писал: «Действительно, наши купцы приносят стране деньги, но надо сказать, что есть среди нас и другая Категория Людей, которая обладает великой Ловкостью рассылать их в иностранные государства безо всякого

¹⁶ Х. Борхес, *Бестиарий: Книга вымышленных существ*, Москва 2000, с. 257.

¹⁷ W. Map, *De Nagis Curialium*, Oxford 1983, с. 234.

¹⁸ А. Злыгостев, *Всемирная история. Энциклопедия*, т. 5, Москва 1958, historik.ru/books/item/f00/s00/z00000034 (01.12.2012).

возврата, что подрывает Прилежание Торговца. Они, эти люди, Вампиры Общества и Расточители Королевства»¹⁹. Леонард Вольф предположил, что слово «вампир» в английский язык пришло из венгерского. Эту теорию недавно оспорила Катерина Вильсон, доказавшая, что впервые слово «вампир» употреблено в венгерской печати практически на 50 лет позднее, чем в публицистике большинства западных государств. Однако вопрос остается открытым, поскольку вполне допустимо, что изначально это слово было подхвачено из венгерского разговорного языка приблизительно в начале XVIII века и занесено на Запад, где быстро нашло свое место в публицистике. В венгерской народной культуре все же есть мифологическое вампироподобное существо – лидерк. Образ лидерка схож с образами инкуба/суккуба и принимает ряд форм. Он мог появиться как женщина, как мужчина, как животное или как сияющий свет. Интересно, что народ не наделил данный образ способностью к превращению. Скорее, предполагалось, что он существует во всех этих формах одновременно. Благодаря своим магическим способностям он заставлял человека видеть то одну, то другую из своих форм. Как инкуб/суккуб он нападал на жертв и умертвлял их полным истощением. Утверждению образа Венгрии как страны вампира немало способствовали английские писатели Б. Стокер, М. Саммерс, Раймонд Т. Макнелли. Образ графа Дракулы, ставший знаменитым после публикации романа Брэма Стокера, ассоциируется с образом Влада III Басараба (Цепеша), правителя румынского княжества Валахии в XV веке. Исследовательница Елена Артамонова в книге *Исповедь Дракулы* отмечает, что «прозвище Дракула часто переводится как «сын дьявола», а на самом деле оно означает «сын Дракона»²⁰. Отец Влада Цепеша состоял в ордена Дракона и впоследствии получил прозвище Дракул – Дракон, а затем это прозвище перешло по наследству. Это был политический орден, который был призван защищать семью императора и бороться с иноверцами. К образу дьявола это имя никакого отношения не имеет. Но здесь есть небольшой нюанс. Дело в том, что «драк» по-румынски означает «дьявол», однако сам Дракула всегда подписывал свои письма как «Влад Драгуля», используя букву «г». Однако, слова «драк» и «драгон» созвучны, и те, кому было выгодно очернять Влада Цепеша, впоследствии пользовались этим»²¹.

На основании представленного обзора можно сделать следующие выводы. Образ вампира имеет древнейшее происхождение, он восходит к дописьменной литературе, имеет широкий ареал бытования. История развития этого фантастически условного образа – от древних времен и до наших дней – привела к возникновению обширной современной художественной литературы о вампирах, обусловив и происхождение длинной цепочки разнообразных номинаций. Они имеют как семантическую общность, так и некоторые нюансы в смысловых значениях и употреблении в национальных литературах. Вампирология, ареал ее распространения, этимология широкого спектра номинаций этого особенного литературно-художественного явления представляются актуальной областью современной филологии, требующей дальнейшего изучения.

¹⁹ Там же.

²⁰ Е. Артамонова, *Исповедь Дракулы*, Москва 2011, с. 234.

²¹ Там же.

Библиография

- Артамонова Е., *Исповедь Дракулы*, Москва 2011.
Борхес Х., *Бестиарий: Книга вымышленных существ*, Москва 2000.
Брокгауз Ф., Ефрон И., *Энциклопедический словарь*: в 86 томах, т. 10, Москва 2001.
Вайан А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва 2009.
Gerard E., *The Land beyond the forest: facts, figures, and fancies from Transylvania*, New York 2010.
Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1-4, Москва 1978.
Злыгостев А., *Всемирная история. Энциклопедия*, т. 5, Москва 1958, historik.ru/books/item/f00/s00/z00000034.
Китс Д., *Малые поэмы*, Москва 2012.
Мар W., *De Nagis Curialium*, Oxford 1983.
Перковски Я., *Славянские вампиры*, Москва 1989.
Poliziano A., *Lamia*, Leiden 2010.
Преображенский А., *Этимологический словарь русского языка*, т. 3, Москва 1949.
Сенн Г., *Оборотень и вампиры в Румынии*, Москва 1982.
Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*: в 4 томах, т. 1, Москва 1973.
Чудинов В., *Славянская мифология и русский корнеслов*, Москва 2001.
Шанский Н., Иванов В., Шанская Т., *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва 1971.

Summary

To the question about etymology of vampire's character nominations and its semantic

Vampirology is related to the literature of neogothic. It presents the considerable layer of modern literature and attracts all increasing attention of literary critics and readers. Nevertheless vampirology is studied fragmentarily to present time. The image of vampire is one of the most archaic characters of literature. It's depicted in literature of pre-writing period (in numerous legends, myths, beliefs of different people of the world), and also in modern fiction and fiction of the anterior centuries. For a long time of its existence, the character of vampire was exposed to the changes of its semantics. It's reflected in the variety of the nominations have not been systematized in present time. In the article nominations are examined in the diachronic and synchronous aspects. The main subject of the article is the character of a lexeme, its etymology and semantics.

Key words: *vampirology, etymology, semantics of word, character of vampire, mythology*